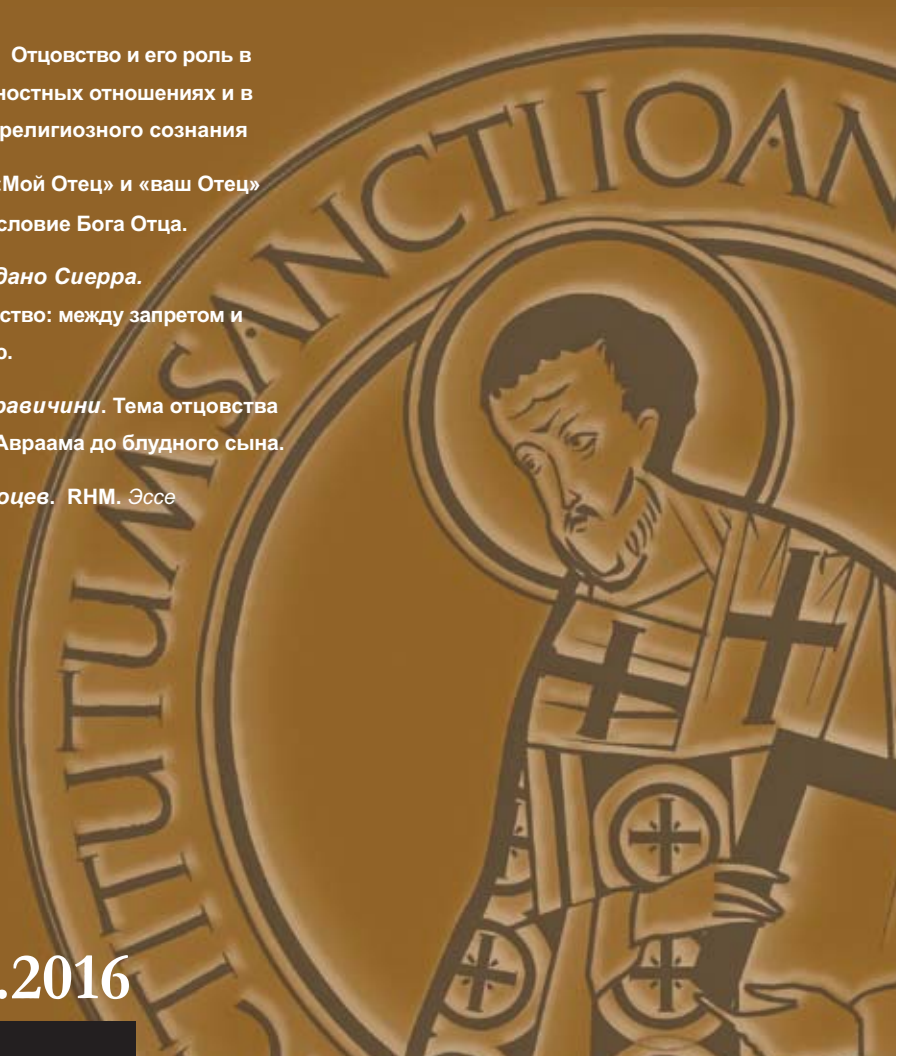
ISSN 2304-6147

FOLIA PETROPOLITANA

ЖУРНАЛ БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА

- ***Хосе М. Вегас.*** **Отцовство и его роль в зрелых межличностных отношениях и в формировании религиозного сознания**
- ***Аленка Арко.*** **«Мой Отец» и «ваш Отец» (Ин 20, 17). Богословие Бога Отца.**
- ***Мариано Х. Седано Сиерра.*** **Духовное отцовство: между запретом и необходимостью.**
- ***Джованна Парравичини.*** **Тема отцовства в искусстве: от Авраама до блудного сына.**
- ***Дмитрий Строцев.*** **RHM.** *Эссе*

5 1.2016

Содержание

Авторы 7

Пьетро Скалини. Предисловие 10

Статьи

Хосе М. Вегас. Отцовство и его роль в зрелых межличностных отношениях и в формировании религиозного сознания 13

Станислав Важешак. Милосердие и этика отцовства 25

Аленка Арко. «Мой Отец» и «ваш Отец» (Ин 20, 17). Богословие Бога Отца 39

Мариано Х. Седано Сиерра. Духовное отцовство: между запретом и необходимостью 55

Джованна Парравичини. Тема отцовства в искусстве: от Авраама до блудного сына 67

Анна Смирнова. Сыновство как путь к отцовству. Христологический аспект 75

Эссе

Дмитрий Строцев. RHM 89

Рецензии

Massimo Grilli. Matteo, Marco, Luca e Atti degli apostoli (Аленка Арко) 107

Franco Manzi. Introduzione alla letteratura paolina (Дариуш Пеляк) 108

Jean-Noël Aletti. Justification by Faith in the Letters of Saint Paul. Keys to Interpretation (Аленка Арко) 110

Manfred Hauke (Hg.). Maria und das Alte Testament (Кирилл Горбунов) 112

Gerhard Nachtwei (Hg.). Hoffnung auf Vollendung. Zur Eschatologie von Joseph Ratzinger (Владимир Хулап) 115

Jürgen Bärsch. Kleine Geschichte des christlichen Gottesdienstes (Марина Лифорова) 117

Stefano Guarinelli. Il prete immaturo. Un itinerario spirituale (Пьетро Скалини) 119

Rafael Vicent. La vocazione nella Bibbia. Itinerari di trasformazione personale (Пьетро Скалини) **121**

Wolfgang Müller. Huguccio. The Life, Works and Thought of a Twelfth-century Jurist (Анастасия Паламарчук) **123**

Stefan Dienstbeck. Die Theologie der Stoa (Хосе Берак) **126**

Samuele Busetto. Certezza e realtà. Uno studio sul pensiero filosofico di John Henry Newman (Хосе Берак) **127**

Paul Gilbert. La pazienza d'essere. Metafisica. L'analogia e i trascendentali (Хосе Берак) **128**

Alberto Anelli. Heidegger e il male (Хосе Берак) **129**

Giuseppe Colombo (red.). L'Europa, la malata di cristianesimo (Сильвия Качмарек) **130**

Hans-Dieter Mutschler. Alles Materie – oder was? Das Verhältnis von Naturwissenschaft und Religion (Юзеф Печурчик) **133**

Gary Michael Atkinson. Our Search with Socrates for Moral Truth (Сильвия Качмарек) **135**

Ryan N.S. Topping (ed.). Renewing the Mind. A Reader in the Philosophy of Catholic Education (Сильвия Качмарек) **137**

Аннотации **140**

Хосе М. Вегас

Отцовство и его роль в зрелых межличностных отношениях и в формировании религиозного сознания

Резюме

Правильное понимание веры в Бога Отца (в Бога христианского Откровения) ни в коем случае не влечет за собой (как иногда думают) состояния полной и постоянной зависимости от Бога в человеческом и психологическом смысле. Наоборот, если Бог – Отец, это означает, как показывает сам человеческий опыт, что эта зависимость относительная и временная – до момента достижения полной самостоятельности. Анализ разных уровней человеческих отношений может помочь не только в понимании условий здоровых отношений между людьми в их разных вариантах (между родителями и детьми, в функциональных отношениях и просто в области межличностных отношений), но и в области религиозного опыта. Ведь отношения с Богом – это не вид связи человеческого субъекта с неким непонятным «объектом», но именно вид межличностных отношений, где свобода, самостоятельность, открытость и ответственность со стороны человека являются обязательными условиями. Отсюда следует, что человеческая самостоятельность все же не является самодостаточностью.

Ключевые слова: отцовство, отношение, диалог, вера-доверие, любовь, надежда, самостоятельность, Бог Отец.

Abstract: *Fatherhood and Its Function in Mature Relations and in the Formation of Religious Consciousness*

A correct understanding of faith in God the Father (the God of Christian revelation) in no way entails (as is sometimes thought) a state of total and permanent dependence on Him in the human and psychological sense of the word. On the contrary, God as a Father suggests (as human experience itself shows) only a temporary and relative dependence. i.e., until there is achievement of full personal autonomy. Analysis of different levels of human relations can help not only to understand the right conditions of healthy relationships between

people in their various forms (between parents and children, functionally, and in a strictly interpersonal relationships), but also in the field of religious experience. A relationship with God is not of the type where a human subject is in relation with a certain unknown "object", but rather it is of the type where the relationship is interpersonal – where human freedom, independence, openness and responsibility are essential conditions. From here we can also realize that human autonomy is not yet self-sufficiency.

Key words: fatherhood, relationship, dialog, faith-confidence, love, hope, indipendence, God the Father.

Прежде всего, нужно отметить, что, говоря сегодня об отцовстве, мы будем иметь в виду также и материнство. Можно сказать, что под словом «отцовство» подразумевается «родительство».

1. Основные формы взаимоотношений с другими людьми

В отличие от либерального индивидуализма, который рассматривает человеческие отношения как нечто вторичное и случайное и сводит «другого» к теоретической проблеме, а также в противовес разным формам коллективизма, растворяющего индивида в сети социальных отношений и низводящего его до простой, полностью социальной функции, персоналистическая позиция утверждает как самого индивида (неотчуждаемого, нередуцируемого), так и его отношения. При этом «другой человек» («другие» в целом) не является чем-то второстепенным или случайным и также не выводится из нашего собственного самосознания. Напротив, человеческое существо изначально осознает другого как «ты» и только из него раскрывает свое «я». Однако это изначальное и решающее присутствие других в жизни человека не сводит человеческого индивида к простой социальной функции, но, наоборот, формирует его как такового и позволяет ему быть самим собой.

Разные авторы в разных формах и с различных (но взаимодополняющих) точек зрения описали этот первичный характер взаимоотношений. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, М. Бубера (Buber 1993), Х. Субири (Zubiri 1988, 242-244) и В. Соловьева (1990, 119-183).

М. Бубер	В. Соловьев	Х. Субири
я – оно (одностороннее – «монологическое» – отношение, техническое, манипулирующее, господствующее)	Отношение к низкой природе в себе (чувство стыда – аскетический нравственный принцип: требование самоконтроля)	
я – ты (диалогические межличностные отношения)	Отношение к равной природе (к себе подобным) (чувство жалости и принцип справедливости)	Другой как «эго» (он/она) (Отношения между равными – интерес и право) Другой как «ты» (межличностные отношения – любовь)
	Отношение к высшей природе (чувство благоговения – принцип послушания: основа – религиозное отношение)	Другой как «мой» (Отношения семейной связи)

Среди наиболее важных, определяющих нашу сущность отношений между человеческими индивидами различают три их основные формы, которые к тому же влияют на психологическое развитие человека, – от изначальной зависимости от своего семейного окружения (она соответствует третьей форме отношений и является основой религиозного опыта) до полного выявления в другом несомненного «ты». Здесь речь идет о постепенном открытии, выявлении «другого». Ребенок мало-помалу находит, открывает другого, и это происходит в три этапа.

1) Другой как «мой». На начальном этапе другие появляются в пространстве индивида формально не как «другие», но как «мои»: они непосредственно связаны с ребенком и его нуждами и присутствуют в его жизни как «моя мать», «мой отец» и т.д., словно неотъемлемая его часть. Он воспринимает себя внутри окружения, жизненного «мы», и почти не имеет внутреннего мира, живет в открытом, очерченном другими пространстве, которое ощущает как свое. Говоря «я», ребенок в действительности говорит «мы», относя это «мы» к конкретным лицам, которые непосредственно определяют его образ жизни.

Этот уровень, выделенный Х. Субири (1988, 242), соответствует у В. Соловьева отношению человека с высшей реальностью:

> Нравственные правила справедливости и милосердия, психологически опирающиеся на чувство жалости, хотя включают в свой *объем* всю область живых существ, но *содержание* этих правил не по-

> крывает всех нравственных отношений даже между человеческими лицами (Соловьев 1990, 170).
>
> Кроме этих двух основных чувств есть в нас еще одно, третье, несводимое на них, столь же первичное, как они, и определяющее нравственное отношение человека не к низшей стороне его собственной природы, а также не к миру подобных ему существ, а к чему-то особому, что признается им как *высшее*, чего он ни *стыдиться,* ни *жалеть* не может, а перед чем он должен *преклоняться.* Это чувство *благоговения* [благочестия, *pietas*] или преклонения перед *высшим* [*reverentia*] составляет у человека нравственную основу религии и религиозного порядка жизни» (там же, 129).

Сыновняя почтительность – это ядро, из которого развивается культ предков; из него затем вырастают разные формы естественных религий, далее оно разрастается все больше, пока не начинает включать в себя все человечество в качестве объекта Провидения со стороны Бога – всеобщего Отца. Все это позволяет нам понять, почему внутрисемейные отношения так важны, когда речь заходит о передаче веры: именно в семейной атмосфере появляется зародыш правильного отношения к религии, следовательно, именно здесь в случае, когда внутрисемейные отношения переживают серьезные деформации и искажения, могут возникнуть принципиальные препятствия к принятию веры.

2) Другой как *ego*, равное моему «я» (или другой как «он/она»). Начиная с опыта своего «я» в значении «мой» (и других как «моих»), происходит постепенное усложнение восприятия других, в том смысле, что другой в значении «мой» становится собственным «я»: другие превращаются в другие «я», аналогичные моему (или, лучше сказать, я становлюсь как другие), и мы оказываемся в ситуации *равенства* (Zubiri 1988, 243).

3) Другой как иное *ego*, отличное от моего *ego* (или другой как «ты»). Здесь открывается радикальная инаковость, в том смысле, что другой выступает как *иной, отличный от меня.* Таким образом, другой человек появляется как «свой себе», наделенный собственной идентичностью и внутренним миром, недоступным мне непосредственно. На этом третьем уровне индивидуальная реальность другого открывается во всей полноте. Другой здесь уже внутренне определен, неповторим и не сводим к какому-либо другому индивиду: он становится уникальным «ты», личностным индивидом. Теперь, в отличие от предыдущего уровня, «я» (мое и каждого человека) дается нам не как равное любому другому, но как строго *отличное* (Zubiri 1988, 244).

Отношения «я» – «ты», т.е. отношения между двумя людьми, которые являются уникальными и никем не заменимыми друг для друга, – это высшая форма межличностных человеческих отношений. И эта высшая форма, когда речь идет об отношениях между мужчиной и женщиной, к тому же оказывается самой главной, т.е. источником, в котором берут свое начало и от которого зависят все остальные формы отношений.

2. Фундаментальная структура отношений между людьми

Личностное состояние человека пребывает между двумя полюсами: неповторимой индивидуальностью, благодаря которой каждое человеческое существо – в своем роде уникальный абсолют, и инаковостью, неизбежно связывающей его с другими людьми. Вместе с тем инаковость является неизбежным следствием индивидуальности: другой человек по отношению ко мне является *другим* в абсолютном и неизменном смысле, и только в этих условиях я могу, а иногда и должен устанавливать с ним межличностные отношения. Даже тогда, когда эти отношения чисто инструментальные и формальные, все равно в них присутствует личностное измерение как горизонт легитимации этой инструментальности: другой человек является неповторимой личностью, целью в себе, и с ним, именно таким, нужно общаться.

Личностное состояние человека обогащает, но и до бесконечности усложняет человеческие отношения. Они не отрегулированы мудрыми и сравнительно простыми механизмами животных инстинктов. Человек вынужден сам «создавать» их *этически* (как свою вторую природу). Исходная точка таких отношений именно в дистанции и различии между «я» и «ты», не сводимых друг к другу, каждое из которых имеет свой внутренний мир, в большой мере непрозрачный и недоступный другому: множество отличий – сексуальных, возрастных, мировоззренческих и т.д. – сводятся в конце концов к радикальному отличию: я – это я, а ты – это ты. Но при этом каждый нуждается в другом. Человек абсолютен только относительно: он не самодостаточен, на это указывает уже различие полов, а кроме того, этот абсолютный характер приобретается именно с помощью и через посредничество других людей.

Итак, если человек хочет установить отношения с другими, ему обязательно нужно открыться, показать свой внутренний мир, высказаться.

Понятно, что основная структура межличностных отношений – это структура «откровения». Чтобы установить отношения, необходимо показаться, открыться, обнажить внутренний мир, в принципе недоступный другому. И хотя правда то, что человек склонен открывать свой внутренний мир, правда и то, что он всегда может скрыть его или показать отчасти либо в искаженном виде. В области отношений непременно присутствует человеческая свобода.

Из-за того, что внутренняя жизнь каждого в принципе недоступна другому, само откровение нуждается в выразительных средствах: словах, действиях, жестах, символах (к примеру, подарках) и т.д., которые служат своего рода мостами между людьми. Посредничество – это существенная структура межличностных отношений. Если человек не открывается, выражая себя, если замкнут в себе, то невозможно его узнать и вступить с ним в диалог.

Но все эти средства неизбежно двойственны: они как раз суть *опосредования* нашего внутреннего мира и не передают его прямо. Поэтому из-за дистанции между средством и тем, что передается с его помощью, а также из-за неизбежного присутствия в этом процессе человеческой свободы всегда есть риск и возможность притворства, обмана и манипуляции. Открыться другому, выражая себя и принимая чужое самовыражение, – это риск, который приходится на себя брать. Здесь рискует и тот, кто выражает себя, открывая двери души другому, и тот, кто принимает чужое откровение, так как может быть обманут.

Единственный способ – не устранить риск (что невозможно), но избежать разрушительных для отношений следствий двусмысленности – это опираться на доверие. Вера – обязательное условие человеческих отношений, основной стержень их логики. И вера означает прежде всего доверие, т.е. способность принять чьи-то средства самовыражения, отданные, образно говоря, в «кредит». «Верить в...» в целом означает «доверять кому-то», «полагаться на кого-либо». Следовательно, основной смысл веры не в том, чтобы «знать о чем-то», как утверждала позитивистская критика религии, которая видела в ней исключительно вид знания о высших предметах (делая Бога именно предметом научного знания), т.е. знания инструментального, но ложного, фиктивного, в отличие от научного знания.

Доверие – парадоксальное качество человеческих отношений, которое не дает никаких гарантий, но само является гарантией того, чтобы человеческая жизнь была осмысленной. Доверие как основной жизненный подход отражает экзистенциальное убеждение в том, что жизнь хороша и прожить ее стоит, что она – дар, несмотря ни на что, и что этот дар незаслуженный. Здесь мы касаемся таких вещей, как благодать и благодарность. Жить осмысленно, с доверием, означает признать, что жизнь – безвозмездный дар и принимать его следует с благодарностью.

Только на основе доверия возможна любовь, которая во всех своих формах является ядром и стержнем всех положительных межличностных отношений. Любовь умеет преодолевать отличие, сохраняя его. Ведь отношения любви *между личностями* – это не слияние и не смешение, это не «позитивная энергия», которая нас «расплавляет»; любовь не делает нас *одинаковыми,* еще менее заставляет быть *одним и тем же,* напротив, любовь подтверждает инаковость каждого, потому что любить значит утверждать другого в его основном праве быть «другим» и желать, чтобы он был самим собой, любить его таким, какой он есть. Вместе с тем именно утверждением инаковости другого преодолевается различие: другой человек выходит из состояния обезличенности, когда он просто «какой-то человек», «некто», и становится для меня уникальным и неповторимым «ты», наделенным своим лицом и именем. Итак, различие преодолевается (и сохраняется), как говорит Э. Левинас (González R. Arnáiz 1992, 135), как «небезразличие перед лицом другого». В любви к другому человек проявляет свою ответственность в наивысшей степени. Это ответ на изначаль-

ный дар. И ответственность принятия другого в его инаковости влечет за собой (в разной степени – в зависимости от вида любви) самоотречение, т.е. способность к самопожертвованию. Любить означает утверждать и выбирать, и, соответственно, отказываться от себя[1].

Понимаемая таким образом любовь вполне соответствует абсолютному характеру человеческого существа. Постоянно повторяемое в наше время утверждение, что «все относительно», на первый взгляд, влечет за собой вывод, что все, абсолютно все зависит от пространства и времени – априорных условий нашего человеческого существования, на которые мы неизбежно обречены в этом мире. Но если абсолютно все зависит от пространства и времени, то нет ничего, что могло бы превзойти эти измерения нашего мира: ни истины, ни ценности, ни достоинства (каждого) человека, ни, конечно, любви. То, что в одном месте правда, в другом – ложь; то, что сегодня хорошо, завтра может стать плохим; права, которые, как нам кажется, у нас есть, завтра могут быть отобраны; сама любовь относительна: никто не может обещать любить другого «всю жизнь до самой смерти».

Не будем здесь доказывать, что релятивизм – теория ложная, а его аргументы, хоть и кажутся сильными, на самом деле весьма слабы. Но по поводу любви достаточно сказать, что она действительно происходит в пространстве и во времени, как и все человеческое, но от них не зависит. Любовь[2], как добро и истина, превосходит пространство и время. На-

[1] Любовь, поскольку она предполагает изменение центра тяжести «я» в сторону «другого», а также утверждение другого как такового, подразумевает также некоторый преизбыток собственного «я», которое не боится «выйти» за свои пределы. В отличие от той любви, которая по-гречески называется eros, т.е. любви исключительно к кому-то или чему-то более высокому, чем данная личность, любовь христианская agapē не боится нисходить к тому, кто испытывает нужду. В этом смысле христианская любовь завершает и доводит до совершенства греческую концепцию любви, отражающую ситуацию такой нужды, которая ищет выхода и преодоления. Полнота любви в христианском смысле превосходит моральную норму, она становится частью Божественной любви Лиц Пресвятой Троицы, при этом отдельные личности взаимно укрепляют друг друга, отвечают друг другу полнотой взаимности и пребывают в полном единении, которое, тем не менее, не отменяет и не устраняет различий. Христианская любовь в своей конкретной реализации в этом мире, следовательно, означает возможность отдать жизнь за другого, т.е. включает готовность к страданию за другого. Понятно, что такая любовь больше, чем просто чувство, это акт свободного проявления глубинной сущности личности, который затрагивает и чувства, и разум, и волю. Только отсюда можно понять, почему христианская любовь распространяется и на врагов (они, как это часто бывает, оказываются теми же друзьями, т.е. близкими людьми, в отношениях с которыми возникают трения и конфликты, заставляющие нас страдать).

[2] Есть и другие вещи, которые, хоть и реализуются всегда в пространстве и во времени, все-таки не зависят от них, не являются по отношению к ним вторичными. Например, в отличие от удовольствия и развлечения, справедливость является понятием безусловным, и никогда нельзя законным образом от нее отказаться. Идея «законной несправедливости» сама по себе противоречива: это было бы некой «несправедливой справедливостью». Другое дело, что порою какая-то конкретная норма справедливости (например, говорить правду) должна уступать другой норме справедливости, более важной (например, спасти жизнь невиновного человека).

пример, для того чтобы развлечься, нужно договориться: «где», «когда» и «как». Невозможно организовать некое «отвлеченное развлечение». Точно так же абсурдно говорить, что я кого-то люблю лишь с пяти до шести или только вечером и в Москве. Произнести кому-либо: «Я буду тебя любить ближайшие три месяца» – то же самое, что сказать ему: «Я тебя вовсе не люблю». Любовь имеет призвание к вечности.

Но человеческая любовь, как и все человеческое, слаба, и узы пространства и времени, страстей и человеческих ограничений (в виде эгоизма, разочарования, скуки, рутины...) угрожают ей постоянно. Призвание к вечности действует таким образом, что любовь никогда не может реализоваться полностью в настоящий момент. Любовь, даже самая истинная, всегда включает в себя обещание будущего, поэтому она проецируется в будущее в *надежде* достичь своей полноты. Без надежды любовь умирает.

Мы понимаем, что надежда – вторая сущностная сторона любви. Вера и надежда – не отношения, которые более или менее случайно сосуществуют с любовью. Они – существенные условия любви и ее логики, ее функции. Именно поэтому апостол Павел говорит, что из этих трех – веры, надежды и любви – любовь больше всех (ср. 1 Кор 13, 13).

Надежда есть крепость любви. Благодаря ей любовь проходит сквозь пространство и время и преодолевает множество трудностей, внутренних и внешних, которые ей противостоят и пытаются ее ослабить. В этом смысле любовь является обещанием: никакое осуществление, никакое выражение или переживание не исчерпывает ее до конца, ее полнота всегда находится за их пределами. Поэтому любить значит уметь ждать и быть терпеливым, т.е. способным страдать ради любимого человека и из-за его недостатков и сохранять веру в обещание полноты любви. Надежда укрепляет веру и доверие, которые с течением времени и в борьбе с трудностями, ограничениями и неизбежными разочарованиями становятся *верностью.* Верность – это постоянная ответственная и твердая воля настойчиво сохранять любовь при любых обстоятельствах; также и надежда – это протест и критический взгляд на существующие ныне ограничения в свете будущей полноты, уже предощущаемой в обещании, укорененном в самой любви.

3. Источник доверия

Если доверие есть необходимое условие любви, следовательно, изначальное доверие не ограничивается волей, т.е. не является результатом простого выбора. Отсюда возникает вопрос: откуда же берется доверие? Каким образом мы можем гарантировать рост и укрепление нашего доверия, чтобы позволить себе рисковать, открываться и идти навстречу отношениям, а не испытывать устойчивое недоверие, которое делает нас пленниками самих себя?

В этом случае именно справедливость заставляет нас так поступать. Но недопустимо творить несправедливость ради обогащения или развлечения.

Здесь нам придется вернуться назад и вспомнить основные формы взаимоотношений, которые в каком-то смысле предшествуют нам и от нас не зависят, наоборот, это мы зависим от них: отношения с превышающей нас реальностью в рамках конкретной биографии и психологии переживаются в отношениях с нашими родителями, именно они являются естественной базой религиозного опыта. Одновременно эти отношения представляют собой первую фазу обретения и раскрытия другого: «другого – такого же, как я».

Младенец приходит в этот мир абсолютно незащищенным, нуждающимся в постоянной посторонней помощи, он находится в ситуации зависимости от окружающих (в гораздо большей, чем детеныши животных). От других, прежде всего от матери и во вторую очередь – от отца, ребенок получает тепло, защиту, пищу,…

Он воспринимает такие отношения как всемогущее провидение, которое обеспечивает его всем необходимым для жизни и хорошего самочувствия. А если он, который ничего не может делать, находится в центре внимания, потому что о нем все заботятся, то он получает очень важную (эмоциональную) информацию: он очень важный, значительный, его жизнь имеет ценность и смысл. Таким образом, он получает основной запас доверия.

По мере роста самосознания ребенка то же самое провидение позволяет ему самоутвердиться и приобрести чувство уверенности в себе (когда отмечаются его успехи, первые слова, первые шаги); когда его поведение поправляют, он учится ориентироваться в различных ситуациях, что помогает ему не замыкаться в рамках определенных ценностей (например, в немедленном удовлетворении всего, чего спонтанно требуют маленькие дети): ограничивая ребенка в удовольствиях, ему помогают раскрыться по отношению к другим ценностям, а также к другим людям, например, обнаружить, что другие дети тоже имеют определенные права, и т.п. В сбалансированном воспитании, основанном на любви, наказания тоже могут играть положительную роль, укрепляя самоидентификацию ребенка. Именно здесь приобретается дар изначального доверия, которое позже позволит человеку взять на себя риск отношений, спокойно воспринимать разочарования и горький опыт (причем первый такой опыт – это постепенное открытие того, что его родители не всемогущи и не совершенны), стать способным жертвовать собой ради других.

Можно схематично обозначить отдельные элементы тех функций, которые исполняют родители по отношению к своим детям, но сначала мы поговорим об общих функциях отца и матери, а затем – о специфических функциях каждого из родителей.

Родители – это всемогущее провидение, обеспечивающее всем, в чем нуждается ребенок: пищей, теплом, чистотой, заботой, вниманием… Если ребенок, который сам еще ничего не может, получает все это с любовью, которой не заслужил, то постепенно он начинает понимать,

что кому-то он очень важен и нужен (это можно сравнить с тем, что так часто слышишь в России: «Я никому не нужен»). Однако эта общая, солидарная роль родителей осуществляется через разделение их взаимодополняющих ролей.

Мать играет особую роль: с ней завязываются самые первые отношения ребенка; это почва, которая поддерживает и питает, дает ему твердую опору под ногами, так что он не подвешен в пустоте. Ребенок ощущает себя безусловно принятым. Бог в Библии любит человека с «благоутробием», т. е. любовью матери. Хотя явно материнский образ Бога нигде в Библии не присутствует, эта черта Бога многообразно выражена имплицитно, например: «У вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф 10, 30). Этот образ заимствован из практики поиска вшей, который обычно осуществляла мать). Именно здесь находится основной источник доверия.

Отец представляет собой силу, которая одновременно и защищает, и призывает к ответу; эта сила призывает не оставаться до бесконечности в объятиях матери, но расти, глядя вперед и вверх, принимать на себя риск и ответственность. Мы уже говорили, что отношения требуют доверия, но вера призывает к смелости и риску. Отец – фактически первый объект веры для ребенка. Выйдя из лона матери, оторвавшись от питающей его груди, ребенок обнаруживает внешнее существо, «не-я», которое вторгается в его жизнь и предстает перед ним в образе отца.

Братья и сестры представляют собой первый контакт с равными (но также «моими») и играют фундаментальную роль в процессе социализации.

4. Бог – Отец. Это только метафора?

Выше мы говорили, что развитие религиозного сознания находит свою вершину в понимании Бога как Отца всех людей, и происходит это в откровении Благой Вести Иисусом Христом. Нужно уточнить, что означает это откровение. Это не просто метафора о Боге, в том смысле, что Он начало всех вещей. Такое метафорическое выражение можно найти в разных религиях, и вне христианства. Принимая, что все, что мы говорим о Боге, Ему не подходит (апофатическое богословие), мы хотим приблизиться к пониманию Бога Отца с точки зрения новозаветного Откровения.

Итак, мы не говорим, что Бог – Отец, потому что Он Творец, но, наоборот, Он Творец именно потому, что Он Отец, то есть Его Отцовство предваряет (если о Боге можно так говорить) Его творческую деятельность и является сущностной чертой внутрибожественных отношений. Бог Отец есть именно Отец Сына, второго Лица Пресвятой Троицы. Эти отношения в Самом Боге извечны, это Его суть. Это отношения полного единства (есть только один Бог), но такого единства, которое не упразд-

няет различия между Лицами. То, что сохраняет различия в единстве, – это любовь. Отношения между Отцом и Сыном – это отношения чистой любви, то есть это Сам Дух Святой, третье Лицо Святой Троицы. Поэтому мы не говорим только, что Бог любит, но что Он есть Любовь: это Его сущность, полная единства в различии Лиц. Любовь, конечно, – это не некая «положительная энергия», как принято сегодня говорить. Слово «энергия» предполагает какую-то безликость, а любовь – это всегда личностный подход.

Любовь по самой сущности своей стремится к распространению. Так можно объяснить творение мира из ничего: как свободный акт Божественной любви. А если Бог сотворил мир из любви, то есть не ради Себя (ведь Он в этом не нуждается), то сотворил мир ради самого мира, из чистой любви: абсолютная самодостаточность Бога основывает (основанную) самостоятельность мира. Такая самостоятельность, отраженная в так называемых в средневековой философии «вторичных причинах» [лат. *causae secondae*], самим совершенным образом выражается в человеческой свободе. Как раз отношения между Богом и человеком – это не рабские отношения, но призыв к свободе, к самостоятельности. Кто думает, что суть религиозных отношений, особенно в христианстве, заключается в детской зависимости и отказе от ответственности, тот совсем не понимает подлинной сути библейского Откровения. В нем мы постоянно слышим призыв к тому, чтобы выйти из себя, оставить безопасность, рисковать, взять на себя ответственность.

Сам акт творения человека описан как требование взять на себя ответственность: «сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт 1, 28). То же самое можно сказать о самом начале истории спасения, когда Бог призвал Авраама («И сказал Господь Аврааму: пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе» (Быт 12, 1)), и о формировании народа, заключавшемся в освобождении от рабства и призыве к трудной свободе в пустыне. Не трудно увидеть тот же дух в пророческих текстах, где истинный культ Бога отражается, прежде всего, в способности взять на себя ответственность за справедливость, за бедных и нуждающихся. Отсюда можно понять, что образец отношений между Богом и человеком в Библии не в рабской зависимости, где человек должен насильно подчиняться Богу (чисто вертикальные деспотические отношения), но в «завете», то есть союзе, договоре, который предполагает свободу с обеих сторон. Бог предлагает и ждет свободного ответа со стороны человека.

Конечно, в Новом Завете все это подкрепляется окончательным образом. Иисус Христос прощает, исцеляет, спасает, но также и призывает к самостоятельности. Он постоянно говорит: «Встань, ходи, возьми…». Даже когда речь идет о возможных страданиях, ограничениях и отрица-